

Пьер Легран

АЛЕХИН: БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ
ПЯТНА БИОГРАФИИ

© Pierre Legrand, 2018

Пьер Легран

АЛЕХИН: БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ
ПЯТНА БИОГРАФИИ

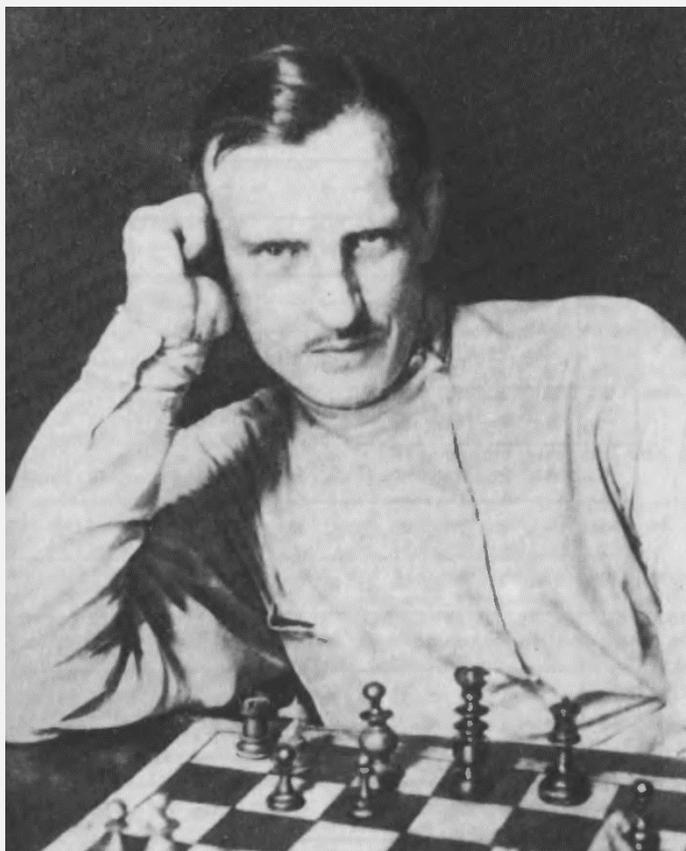
[Site de Pierre Legrand](#)

MMXVIII

Оглавление

Белые	1
И черные	5
Приложения.....	9
Источники	14

Pierre Legrand

Москва, 1920

Белые

Имя Алёхина¹ знают даже люди, не отличающие слона от пешки. Кажется, что все этапы его интересной судьбы хорошо изучены и знакомы. Но есть в ней как минимум несколько неясных моментов. А если внимательно всмотреться, то и весь его удивительный жизненный путь окажется полным вопросов и недомолвок, рождающих ложные посылы, ставшие общим местом.

Например, многие полагают, что он – белоэмигрант, слившийся в Париж вместе с разношерстой пеной, выброшенной волной революции на европейские обочины. Когда на самом деле, он не бежал из Советской России в годы гражданской войны, а остался на родине. И, более того, продолжал играть в шахматы, успел стать чемпионом страны. А его отъезд за границу, насколько необычен, настолько и несовместим с легендой белоэмигранта.

Впрочем, шанс стать белоэмигрантом у Алехина был. В октябре 1918 г. он пробрался, через Харьков и Киев, в Одессу². Возможно, бежал от голода, свирепствовавшего в столице. Но выбор Одессы – самого удобного тогда пути для эмиграции – наводит на подозрение.

¹ Фамилия шахматиста звучит как Алёхин, так же как Лёхин. Деструкцию косного произношения, апологируемого дегенераторами, вроде викибредии, см. в нашем материале: П. Легран. «Алехин», или Библия дураков; Мы придерживаемся правила не писать трёмä в очевидных случаях (как здесь), потому далее в тексте Алехин без трёмä.

² Об этом вояже см.: Шабуров Ю. Александр Алехин – непобежденный чемпион. М., 1992. с. 96–98, 101.

Город еще оккупировали австро-германцы. Здесь уместно вспомнить: по иронии судьбы, война 1914 г. застала Алехина в кайзеровской империи (приезжал туда на международный турнир), где был интернирован — то есть, заключен в концлагерь, из которого таинственным образом сумел улизнуть и вернуться в Россию. Вторая встреча с фрицами так же не принесла успеха, выехать не получилось. Но тут Германия капитулировала, и в Одессе высадились французские войска. Но и новые власти, очевидно, не спешили давать Алехину визу, — как мы знаем, основная масса мигрантов слилась через Одессу буквально с уходом французских войск и флота. Ярко и детально то бегство живописал участник событий А. Толстой в повести «Похожения графа Невзорова».

В апреле город заняла Красная армия. Существует версия, что Алехина арестовала ЧК, но быстро выпустила. Никаких документов об этом его приключении не сохранилось. Вероятно, это мистификация бывшего околоспортивного функционера Шабурова и прочих чечевичных³ авторов 90-х гг., внезапно воспылавших страстью к Старому режиму, и почитавших за долг придумать какую-нибудь репрессию возводимому на пьедестал персонажу. Расписываемый ими «факт» совершенно не вяжется с событиями, случившимися в судьбе Алехина сразу за возвращением из Одессы в Москву (июль 1919 г.)

В мае следующего года, будучи юристом по образованию, он поступил на службу в Центральное управление уголовного розыска⁴, структуру Комиссариата внутренних дел. Параллельно работал переводчиком в ЦИК Коминтерна. Занимать такие должности, будучи «подозрительным» совершенно невозможно. Наконец, в следующем 1921 г. женился на швейцарской журналистке и писательнице левых взглядов Анне Лизе Рюгг, и с ней уехал за границу. Ради нее он развелся с первой женой. В будущем смена жен по обстоятельствам войдет у него в привычку. Еще до свадьбы с Алехиным Анна встретила с Лениным. Содержание беседы неизвестно. Имеется лишь запись, что 16 ноября 1920 г. «Ленин принимает швейцарскую журналистку А. Рюгг»⁵. После возвращения из России она много писала о трудностях, порожденных интервенцией и гражданской войной. Буржуазные листки извратили ее слова. В частности, «Нью-Йорк Таймс» тиснула статью, где рапортовала о том, что Анна Рюгг «полностью вылечилась от коммунизма»⁶. Что де по вине большевиков «дети голодают», рабочие получают 200 г. хлеба в день. И, якобы, нормирована даже вода! Возлагая все беды на коммунистов, статья содержит явное тому противоречие, напоминая о старорежимных голодоморах, к которым коммунисты не могли иметь никакого отношения: «во времена царя Америка слала муку для спасения людей в голодающих районах России»⁷.

Классический образец политической фальсификации, популярный и в наши дни. Скажем, один из монархо-фашистских сайтов выдал сообщение о смерти Алехина в настоящем времени, с припиской «убит чекистами». Злонамеренная stultitia!

Алехин оставался с Анной до 1926 г. У них родился сын. Кстати, единственный ребенок Алехина. Все это время он поддерживал отношения с советскими шахматистами, слал отчеты

³ Чечевичное — порожденное чечевичным режимом, установленным после антисоветского переворота 1991 г., когда, фантастически стремительно развалив вторую экономику мира, питались «гуманитарной» консервированной чечевичной похлебкой, всячески восхваляя капитализм. Также аллюзирует на библейскую притчу про Исава, продавшего старшинство и благословение за миску чечевичной похлебки.

⁴ Шабуров утверждал, что Алехин занимался розыском пропавших людей (op. cit. с. 110).

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М., 1970. с. 555.

⁶ N.-Y. Times, № 10. 08. 1921 (см. IV приложение).

⁷ Ibid.

о турнирах для спортивных газет СССР. Часто его слова в вышедшей в 1922 г. брошюре «Шахматы в Советской России» трактуются как выпад против нее. А именно фраза «буржуйки топят шахматными фигурами, шахматные короли трещат в огне»⁸. Но здесь можно сделать и прямо противоположный вывод, найдя во фразе революционные мотивы: «короли трещат в огне».

Получается образ человека, лояльного советской власти. Свои заграничные вояжи он объясняет участием в международных турнирах и поиском средств для призового фонда матча за чемпионство, поскольку Капабланка в 1922 г. выставил требования в 10 тыс. долларов (в то время приличные деньги, давать которые Алехину никто не спешил).

Но с другой стороны, вырисовывается почти детективная история: женитьба, чуть ли не с благословения Ленина, на «красной» швейцарке, легальный отъезд за границу, добрые отношения с родиной, и при этом поиск кучи долларов по трем континентам Атлантики, спорные высказывания... Задумывал ли Алехин уже тогда расстаться с Россией?

Биограф чемпиона, гроссмейстер А. Котов, с большим пиететом относящийся к своему персонажу, в романе «Белые и черные» рисует образ запутавшегося, тяжело тоскующего по родине человека, которого лишь роковая воля обстоятельств занесла на чужбину, и который до самой смерти стремился вернуться. Отсюда и его запои прямо по ходу матча за чемпионство в 1935 г. и прочие необъяснимые поступки. У того же автора есть научная биография «Александр Алехин». И там мы находим очень интересное место, дающее, на наш взгляд, ответ на ранее поставленный вопрос. Котов рассказывает о трудных временах в 1918 г., когда шахматисты играли в холодных квартирах при свете лучины. Со слов вдовы мастера Н. Зубарева, Алехин часто к ним приходил, играл, угощался лепешками на сахарине. «Меня поразило, что пришедший на игру Алехин, <...> всегда вынимал из кармана завалывшуюся конфетку, развертывал ее и с ней выпивал несладкий чай. Это была попытка удержать в сохранности мозг – важнейший аппарат для будущих шахматных битв. Мозг без сахара это не мозг!»⁹

Этот, на первый взгляд безобидный, эпизод дает нам значительный материал о характере Алехина. В голодное время, приходя в гости к коллеге, перед игрой он всегда съедал конфету, ни разу не предложив ее визави. Не будем утрировать до того, что этим «допингом» он получал преимущество в партии, остановимся на чисто моральном аспекте. С одной стороны, проявление элементарной жадности, с другой – привычка к комфорту, к сладкой, в прямом и переносном смысле, жизни. Здесь сказывается происхождение шахматиста. Семья Алехина была классической для предреволюционной России, когда нищавший нобилитет женился на купеческих деньгах, а дети наследовали пристрастие к комфорту одних и скупость других. И именно эти качества Алехина сыграли главную роль в его желании остаться во Франции.

Очевидно, уезжая из России, он не планировал непременно эмигрировать, но войдя во вкус жизни западной богемы, найдя удовлетворение своему сибаритству, легко пришел к этому решению, и уже в ноябре 1924 г. подал документы на натурализацию во Франции¹⁰. Теперь «красная» жена стала ненужной, и в 1926 г. Алехин разводится с Анной и женится на

⁸ Цит. по: Котов А. Александр Алехин. М., 1973. с. 17.

⁹ Котов А. *op. cit.* с. 18.

¹⁰ См. I приложение.

вдове белогвардейца. Он никогда больше не увидит своего сына. Но французские миграционные власти, захлебывающиеся под наплывом белоэмигрантов¹¹, не спешат давать Алехину французское гражданство. К тому же, парижская полиция не исключает, что Алехин – «красный агент», засланный с особой миссией¹². И только в 1927 г., после известия о достижении Алехиным договоренности по матчу с Капабланкой, и ходатайства Французской федерации шахмат¹³, французские власти возвращаются к этому вопросу. Будущий чемпион (тогда уже в этом никто не сомневается) становится французским гражданином 5 ноября 1927 г. Указ подписан президентом Франции Гастоном Думергом и министром юстиции Луи Барту. Алехин доигрывает матч как представитель Франции.

Многие отечественные биографы шахматиста, в том числе и Котов, стараются не упоминать об этом факте. Вернувшись в Париж, Алехин поспешил проявить лояльность русскому «белому» беженству. В январе 1928 г., на белоэмигрантском банкете в «Русском клубе», он выразил надежду, что «миф о непобедимости большевиков рассеется, как рассеялся миф о непобедимости Капабланки». Другой биограф, околоспортивный функционер Ю. Шабуров, утверждает, что де советская шахматная организация сама «оттолкнула» Алехина от Советской России, приводя в качестве довода решение Исполбюро Шахсекции СССР от 14 декабря 1926 г., по ренегату Е. Боголюбову¹⁴:

«Исходя из всего изложенного и считая, что гражданин Боголюбов, пойдя по стопам Алехина и явившись не первым, а может быть и не последним ренегатом в этой области, сам поставил себя вне рядов шахматной организации СССР»¹⁵. Шабуров резюмирует, что еще до злополучного банкета Советская Россия сама порвала с Алехиным, приводя в ratio еще одно место из вышеупомянутого постановления Исполбюро Шахсекции: «Вот почему она не сочла возможным вступать в какие-либо переговоры с Алехиным об участии его в международном турнире в Москве, считая этого мастера чуждым и враждебным советской власти элементом»¹⁶. Поскольку упомянутый турнир проводился летом 1925 г., автор делает вывод, что тогда-то и произошел разрыв Алехина с родиной, причем, не по его вине.

Но, как мы помним из ранее сказанного, Алехин подал документы на натурализацию во Франции еще в ноябре 1924 г. На его беду еще 28 октября того же года Франция установила дипломатические отношения с СССР, и о факте его ходатайства стало известно в России. Именно поэтому Шахсекция не пригласила его на Московский турнир. Таким образом инициатива «трагического разрыва с родиной» исходила исключительно от Алехина. Тот пресловутый спич он не произнес раньше лишь потому, что не мог позволить этого до получения французского паспорта – становиться безродным апатридом его не радовало, поскольку это не предвещало того комфорта, к которому он всегда стремился, и, вероятно на случай окончательного отказа французских властей, держал в голове вариант возвращения на родину.

Подводя итог исследованию белых пятен биографии чемпиона, можно сделать уверенный вывод, что в его поступках не было практически никакой политической мотивации, а лишь поиск комфорта и благополучия. То же самое можно сказать и о его приватной жизни, где жены играли исключительно практическую роль. Анна Рюгг нужна была, чтобы ком-

¹¹ Один из этих апатридов, «казак»-фашист Горгулов, впоследствии убьет президента Франции Поля Думера.

¹² См. II приложение.

¹³ См. III приложение.

¹⁴ Впоследствии бессменному чемпиону нацистского «райха».

¹⁵ Шабуров Ю. *op. cit.* с. 177.

¹⁶ *Ibid.*

фортно покинуть Россию. Экс-генеральша Васильева помогла «прописаться» в среде белогвардейского беженства Парижа. После получения французского гражданства и завоевания чемпионского титула он перестал нуждаться в общине апатридов, и стал подыскивать соответствующую положению партию, которую нашел в лице вдовы губернатора Марокко, американки Грэйс Висхар, владевшей, среди прочего, уютным замком в Дьепе, что для сибарита Алехина было немаловажным фактором. Вся его довоенная жизнь – стремление к комфорту и благополучию, без всяких политических и личных симпатий, не говоря уже о любви. Та же Грэйс «его понимала», чего, вкуче с замком, было достаточно. Ни в коем случае не стоит винить чемпиона за такой приземленный подход к жизни, продиктованный происхождением и характером. Но и лепить на этом месте из него героя рука не поднимется. И не перестают изумлять усилия тех его биографов, которые любой ценой пытались создать из Алехина прямо противоположный образ неустроенного, мечущегося ранимого романтика.

Г. Висхар с М. Эйве, 1937

И черные

Все прекрасно. Алёхин доволен жизнью. После провального матча с М. Эйве в 1935 г., он берет реванш в 1937 г. Он вновь лучший, он французский гражданин, у него богатая жена с замком в придачу. Он пьет дорогие вина, питается в лучших ресторанах Парижа. Но жизнь готовит неприятный сюрприз: войну. Он встретил ее в Буэнос-Айресе, на шахматной олимпиаде. Команда Франции, которую возглавляет Алехин, бойкотирует соперников из «третьего рейха». После олимпиады он возвращается в Европу через Лиссабон в январе 1940 г. Чемпион позирует перед фотографами, раздает интервью, посещает банкеты и не спешит на родину, которая вот-вот подвергнется очередному нашествию варваров. Только через две недели он появляется в Париже.

Его тут же призвали в армию (по другой версии, он пошел добровольцем-переводчиком). Во время катастрофы июня 1940 г. он, по версии Котова, попал в плен и бежал из него. Шабуров утверждает, что он находился в Бордо, затем пробрался в неоккупированную зону

и демобилизовался в Марселе. Демобилизуют, обычно, в штабах частей, а не за сотни километров от них. Биографы, как обычно, покрывают своего любимца флером героизма. Единственное, что вызывает доверие в их рассказах, это местонахождение Алехина в Бордо, куда стеклись тогда все покидающие тонущий французский корабль. Но покинуть Францию не удалось, и Алехин, в который раз, начинает приспосабливаться к новым условиям, отстаивая свое право на комфорт и довольство. Но на сей раз он заплатит особенно высокую цену, пусть сразу и не поймет этого.

В марте 1941 г. он публикует шесть статей в «Париже цайтунг» – издававшемся в оккупированном Париже органе нацистской пропаганды¹⁷. Основное содержание: сравнение «арийских» и еврейских шахмат, критика оборонительной «еврейской» тактики и прочих антисемитский бред. Биографы советского периода стыдливо обходили этот момент, современные неофашистские пропагандисты, наоборот, приписывают Алехину «идейный» антисемитизм и расизм, присущий тогда гитлеровцам. На самом деле, он никогда не был расистом, он был абсолютно равнодушен к «еврейском вопросу» (до того момента он никогда не высказывал ничего подобного). Просто это была цена за сохранение славы и благополучия, продолжение выступления в европейских, теперь уже под эгидой нацизма, турнирах. Он не был щепетилен в вопросах политики и морали. В отличие от Грейс, которая на сей раз «не поняла» мужа, и удалилась в свой замок в Дьепе. Одна. Больше они не встречались. Как мы уже отмечали, Алехин не считал жен чем-то важным в жизни, и с легкостью переживал подобные потери. С первой женой он расстался ради выезда за границу, с Анной и сыном – ради французского гражданства, с белогвардейской вдовой¹⁸ – ради замка в Нормандии.

Теперь настала пора прощаться с замком ради гибкого приспособления к новым условиям, которые, как тогда полагали многие коллаборационисты, наступили надолго. Но здесь они просчитались, и Алехину пришлось оправдываться после войны. В одних письмах он утверждал, что нацисты сами прописали расистские тезисы в его статьи, но тогда, если выбросить те тезисы, ничего не останется – настолько тематически выдержаны были тексты. Поняв, что так ему никто не поверит, Алехин сменил линию защиты, начав утверждать, что не писал вообще никаких статей, и немцы использовали его имя помимо его воли, а он ничего не мог с этим поделать, поскольку варвары не считались ни с какими законами и моралью. Но против этого аргумента говорят два его интервью испанским газетам, Эл-Алькасар и Информасьон¹⁹, в сентябре 1941 г., где он обмолвился о своей причастности к разработке «еврейского вопроса» в шахматах.

После статей в «Париже...» дела вновь пошли в гору: начался самый плотный турнирный период в его жизни. Турниры в Мюнхене 1941 и 1942 гг., Ланггель 1941, 1942 гг., Зальцбург 1942 г., окровавленная Прага в 1942 и 1943 гг. Во всех одержаны ожидаемые победы, поскольку сильнейшие из соперников, которые ему может предоставить фашистская Европа – ренегат Боголюбов и швед Керес – бесконечно далеки от уровня Капабланки и Эйве. Он гастролирует по пропитанным смертью и страхом городам, как по Южной Америке, легко и непринужденно. Дает сеансы одновременной игры гитлеровскому генералитету. После

¹⁷ Pariser Zeitung. № 61–68, 1941. См. V приложение.

¹⁸ К тому же некрасивая старая генеральша не соответствовала статусу жены чемпиона мира, скорее дискредитировала его своим происхождением и кругом, потому он выбросил ее, как старый сапог.

¹⁹ El Alcázar № 03. 09. 1941 et Informaciones № 03. 09. 1941.

войны английский Chess поместит статью с рассказом, как Алехин играл с гитлеровскими офицерами по 800 рейхсмарок за сеанс²⁰. Он как будто не замечает того кошмара и хаоса, в которые погружены бесноватая Германия и захваченные ею страны.

Но в 1943 г. Алехин неожиданно перестает выступать в турнирах на оккупированных территориях, и перебирается в Португалию, в заштатный городишко Эшторил, которому суждено стать последним пристанищем чемпиона-хамелеона. Что же случилось? Алехин, прекрасный шахматист, после сокрушительных поражений немцев под Сталинградом, Курском и в Северной Африке, легко просчитал, что дни «третьего рейха» и «арийских шахмат» сочтены, и лучше затаиться в ожидании конца войны, а затем, как ни в чем не бывало, вернуться к светской и шахматной жизни в освобожденной Европе.

Но здесь его ждало разочарование. Во Франции судили предателей, «стукачей» гестапо, высших чиновников – пособников врага. Нацистских блудниц стригли на улицах. Петена и прочих вишистов приговорили к смертной казни. Уровень презрения и ненависти к предателям и коллаборационистам в обществе был настолько высок, что тех не спасал высокий довоенный культурный статус, как в случае с Ж. Кокто, посмеявшимся восхвалять гитлера, и Э. Пиаф, гастролировавшей в фашистском Берлине. Они, и сотни им подобные, предстали перед «Комитетами по очищению», и долгое время оставались вне культурной жизни страны. Такая реакция совершенно естественна: за годы оккупации от депортаций, преследований и фашистского террора погибло более миллиона французов, фашистами была разграблена четверть национального достояния Франции. Теперь не могло быть и речи о возвращении Алехина во Францию. Напрасно он писал официальным и частным лицам. Все его запросы на въезд были оставлены без ответа. Не ответила и Грейс, которую он просил о посредничестве. Он влачил жалкое существование в дешевом мотеле Эшторила, всеми покинутый и без франка в кармане. Временами не было денег даже на сигареты. Если бы не искренняя забота португальского коллеги Ф. Люпи, чемпион умер бы от голода. По словам того же Люпи, психологическое состояние Алехина было ужасным: нищета для сибарита сродни клетке для орла. Но мучительней материальных были моральные страдания. Он потерял и вторую родину, все от него отвернулось, от былой славы не осталось следа. В какой-то момент затеплилась надежда: он получил приглашение на турнир (наконец-то!) в Гастингсе, собирающем весь цвет шахматного олимпа. Но недолго музыка играла – не успел Алехин собрать чемоданы, как организаторы отозвали свое приглашение. Сказалось давление большинства участников, пригрозивших бойкотом, если Алехин приедет на турнир. Это стало последним ударом, который Алехин уже не пережил. Он умер в марте 1946 г. Обстановка кончины была жалкой и раздирающей сердце: в полутемном неприбранном номере мотеля, за столом, заваленным пустыми тарелками.

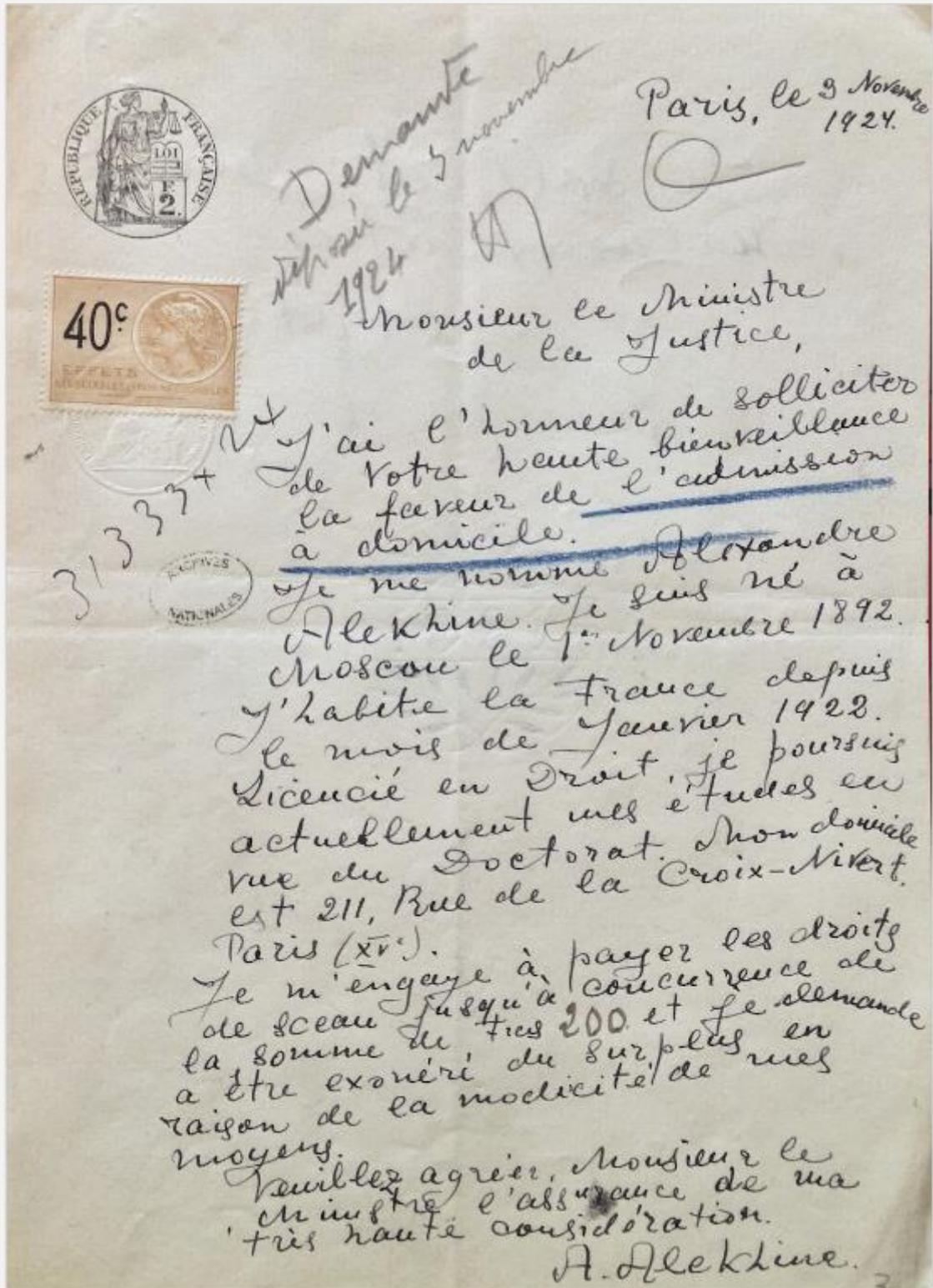
²⁰ Chess. April 1946. p. 147.

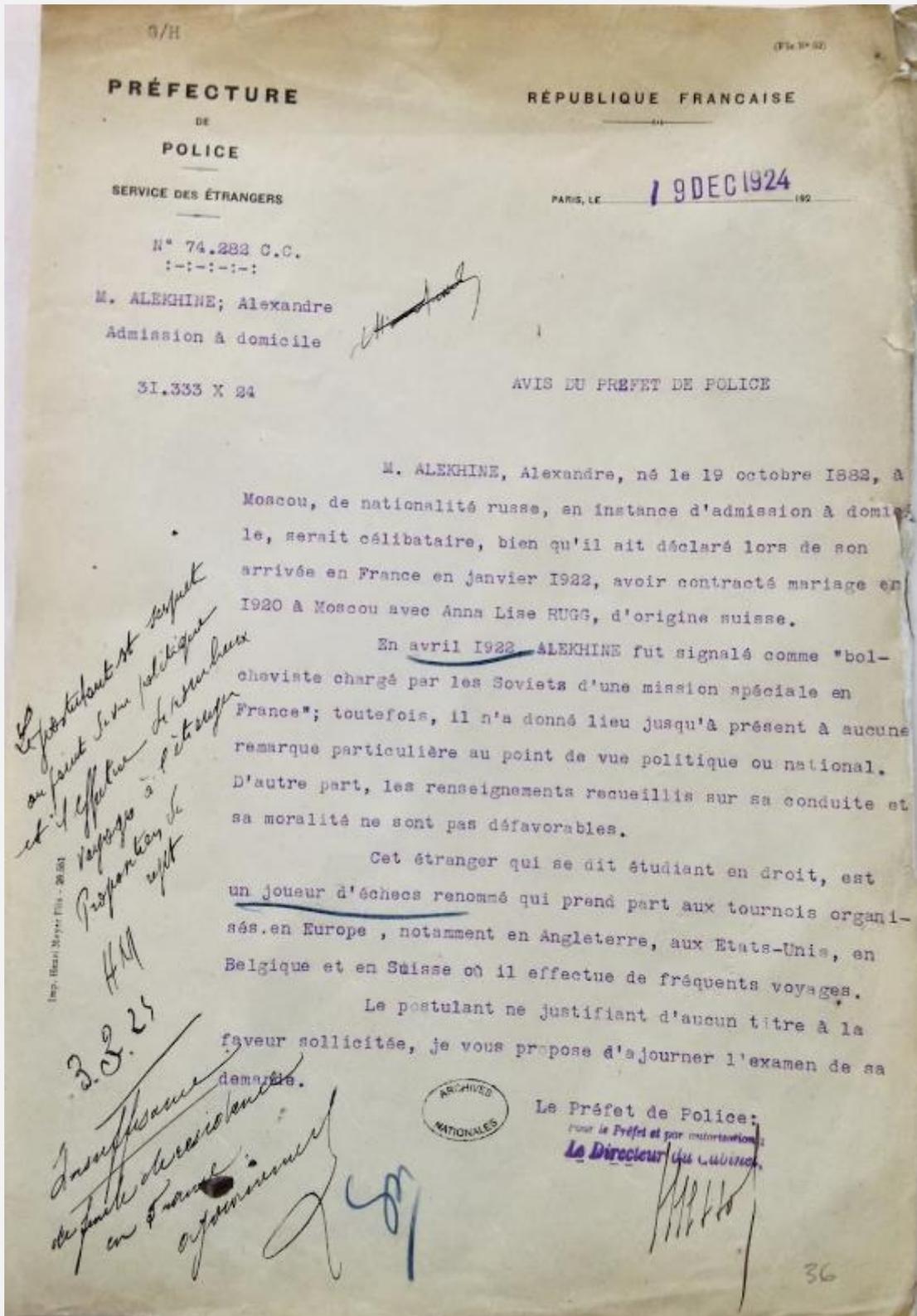
Прошло десять лет, раны войны слегка затянулись, и великодушная Франция простила своего чемпиона. Во всяком случае, в лице правительства, перенесшего могилу Алехина из Португалии в Париж, на известное кладбище Монпарнас, где покоятся сотни знаменитых французов, включая Мопассана и Бодлера. Теперь он в достойной компании. Но достоин ли ее он? Не будем слишком строги: он не был героем и патриотом, но не был и подлецом или фашистом. Просто он, помимо себя и шахмат, очень любил комфорт.

Приложения

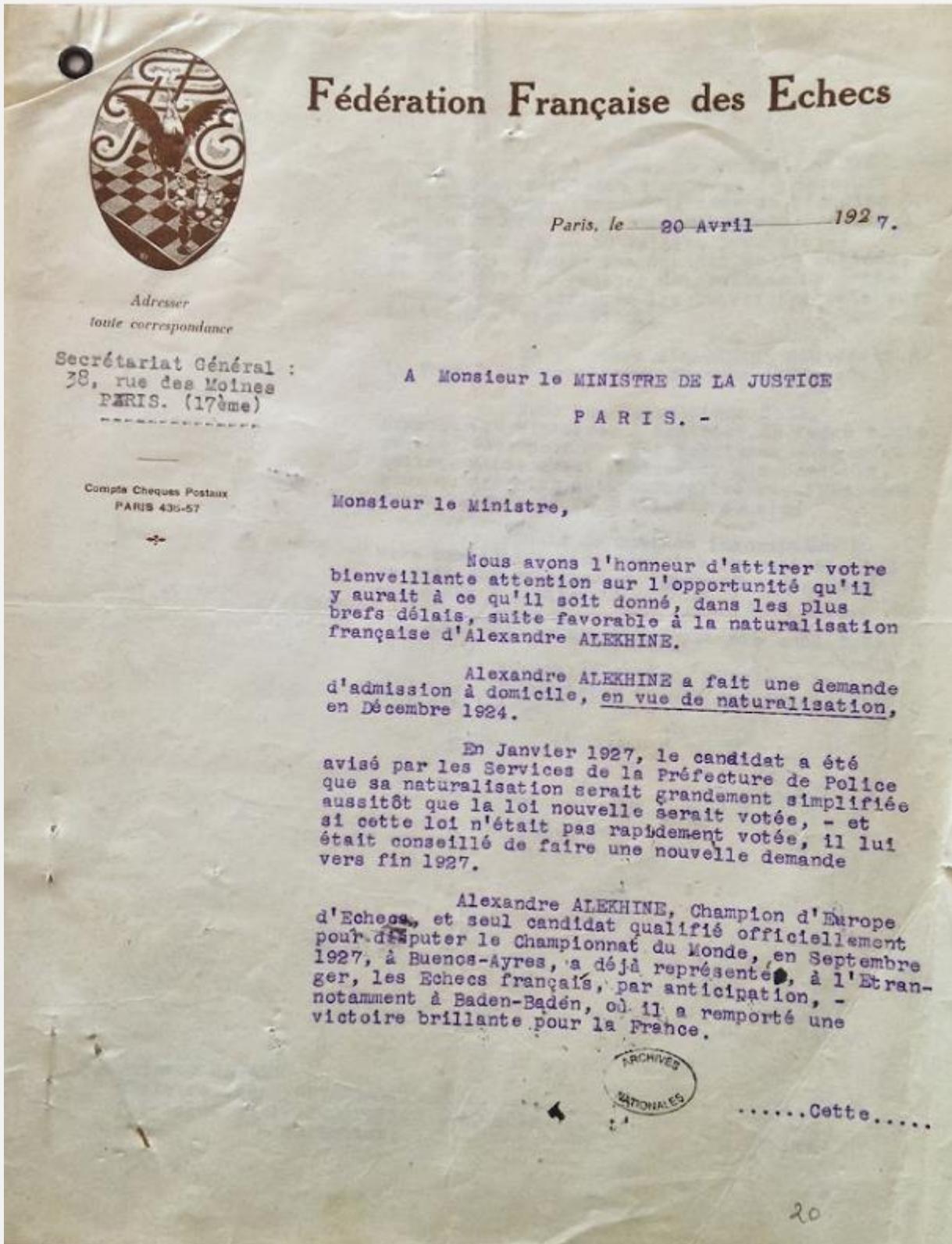
I приложение²¹

²¹ Archives nationales, Pierrefitte-sur-Seine. Cote BB/11/8522.

²² Ibid.

²³ Ibid.

WOMAN COMMUNIST ABANDONS THE REDS

**Fraulein Ruegg, Lenin Pupil,
Shocks Swiss After Russian Tour
—Tells of Children Starving.**

Copyright, 1921, by The New York Times Company.
Special Cable to THE NEW YORK TIMES

ZURICH, Switzerland, Aug. 9.—Fraulein Anneliese Ruegg, the well-known Swiss communist, who formerly preached the doctrines of Lenin and Trotzky to crowded audiences in Switzerland, has just returned from Russia, entirely cured of her communism.

At a public meeting here she declared that when she asked many Russians whether they were communists they replied, "No, we are respectable people."

She did not see a single healthy child in the Russian children's homes, which she made a specialty of inspecting.

Stealing, she said, has become a necessity of life in Russia, and even food in the children's homes is constantly stolen, while all charitable organizations trying to save the children and alleviate the worst distress must be careful lest unawares they allow the communists to distribute their food.

Those who can afford enough money to live in hotels can have butter and nourishing food in plenty, whereas factory workers had received half a pound of indigestible bread and a strictly rationed allowance of water daily.

Fraulein Ruegg's statements have acted as a bombshell among the Swiss communists, many of whom have already disavowed communism. Especially is this so because she was one of Lenin's devout disciples.

On Monday next the international conference in connection with the League of Red Cross Societies will open in Geneva to discuss the best method of relieving the acute distress in Russia.

The United States was invited to send a representative, but, in the opinion of those who know the present conditions in Russia, the action of the United States alone, under Hoover's leadership, would have more effect than any international commission such as it is proposed to send to Russia.

Even the reddest of Reds in Russia are convinced that the United States charity is unadulterated with any political propaganda. As Russians also remember, even in the Czar's time America sent flour to feed the famine-stricken districts in Russia.

Frisches und jüdisches Schach

II. Jüdische Schachmeister in Vergangenheit und Gegenwart / Von Weltmeister Dr. Aljechin

Der dritte der Lasker'schen Judenkonkurrenten war der Lodzer Meister Akiba Rubinstein. Streng orthodox, im talmudischen Hass gegen die „Gojim“ erzogen, war er schon seit

Der jüdische Schachmeister Rubinstein, ein typischer Vertreter des Verteidigungsschachs, von einem zeitgenössischen Karikaturisten gesehen.

Archivbilder.

Beginn seiner Laufbahn davon besessen, in seiner Neigung zum Schach eine Art „Mission“ zu erblicken. Infolgedessen begann er als junger Mann die Schachtheorie mit demselben Eifer zu studieren, wie er als Knabe den Talmud in sich aufzunehmen bestrebt war. Und dies in einer Dekadenperiode des Schachs, da die sogenannte Wiener Schule (welche das Geheimnis des Erfolges nicht im Siege, sondern im Nichtverlieren erblickte), gegründet von dem Juden Max Weiss, und später propagiert von dem Judentrio Schlechter - Kaufmann - Fährdreich, die Weltschachbühne beherrschte.

Kein Wunder, dass Rubinstein, der in dieser Periode eröffnungsmässig immer besser vorbereitet war als seine Turniergegner, gleich nach seinem Auftreten in internationalen Turnieren eindrucksvolle Siege feiern konnte. Der bedeutendste Erfolg war wohl die Teilung des ersten Preises mit Lasker in St. Petersburg 1909, einem lenkwürdigen Turnier, dem ich als 16 jähriger beiwohnte. Von diesem Gipfelpunkt begann dann der zunächst inmerlich langsame, später aber immer deutlichere Abstieg Rubinsteins. Zwar studierte er unermüdlich, war hatte er dadurch auch Einzelerfolge, aber man konnte doch fühlen, dass dieses Studium letzten Endes doch zuviel für sein zwar schachbegabtes aber sonst durchaus mittel-nässiges Gehirn war. So kam es, dass ich, als ich nach einer vierjährigen Sowjetenerfahrung nach Berlin kam, dort in Rubinstein nur einen halben Irrossmeister und einen Viertelmenschen vorfand. Mehr und mehr war ein Gehirn umnachtet, teils von Irrossenwahn - teils von Verfolgungsgedanken.

Folgende Anekdote möge als Beispiel dienen: Ende des gleichen

Schach, nur sein Schach galt für ihn noch etwas in dieser Periode. In den letzten 10 Jahren seiner Tätigkeit (1920 bis 1930) hat er zwar noch einige gute Partien gespielt, einige Teil-erfolge davon getragen, aber der Verfolgungswahn wurde immer deutlicher. In den letzten 2 bis 3 Jahren seines Auftretens lief er jedesmal, wenn er seinen Zug ausgeführt hatte, buchstäblich vom Schachbrett, sass irgendwo in einer Ecke des Turniersaales und kam erst wieder zurück, wenn sein Gegner den Gegenzug ausgeführt hatte. Dies, wie er selbst erklärte, „um sich nicht dem böswilligen Einfluss des gegnerischen ego unterwerfen zu müssen.“ Zur Zeit ist Rubinstein irgendwo in Belgien schachtot für immer.

Der Rigaer Jude Aaron Niemzowitsch gehört weniger in die Zeit der Lasker'schen, sondern eher zur Capablanca'schen Periode. Seine instinktive antiarische Schachauffassung wurde auf merkwürdige Weise - unterbewusst und gegen seinen Willen - durch den slawisch-russischen Angriffsgedanken (Tschigorin!) beeinflusst. Ich sage unterbewusst, denn wie hasste er uns Russen, uns Slawen! Nie werde ich ein kleines Zwiesgespräch verges-

Niemzowitsch erwarb sich in gewissen Kreisen den Ruf als „tiefer Theoretiker“, hauptsächlich durch die Veröffentlichung von zwei Büchern, denen er den Titel „Mein System“ und „Die Praxis meines Systems“ gab. Meiner innersten Ueberzeugung nach stützt sich jedoch das ganze „System“ von Niemzowitsch (abgesehen davon, dass es durchaus nicht originell ist) auf falsche Voraussetzungen. Denn Niemzowitsch begeht nicht nur den Fehler, von einem analytischen Beginn zu einem synthetischen Ende kommen zu wollen, sondern er geht weiter in dem Irrtum; er gründet seine Analyse ausschliesslich auf seine eigene praktische Erfahrung, und setzt dann die Ergebnisse dieser Analyse der Schachwelt als die letzten synthetischen Wahrheiten. Gewiss, es gab in Niemzowitsch's Lehren etwas Wahres, etwas Richtiges. Aber dieses Richtige stammte nicht von ihm, sondern von anderen, sowohl alten als auch zeitgenössischen Meistern und war bewusst oder unterbewusst plagiert worden. Richtig waren: 1.) die Idee des Kampfes um die Mitte, ein Morphy-Begriff, der sowohl durch die besten Leistungen von Tschigorin, als auch durch die Kämpfe von Pillsbury und Charousek

die er in seinen Büchern brachte. Daneben gab es aber viel Falsches und dieses Falsche war durchaus eine Folge seiner schachlichen Einstellung, denn alles, was halbwegs originell war, trug einen alles Schaffende verneinenden Leichengeruch an sich. Beispiele: 1.) seine Idee des „Lavierens“ ist nichts anderes als eine Form der alten Steinitz-Laskerschen Idee des Abwartens, bis der Gegner einen Fehler begeht. 2.) Die Idee der „Ueberdeckung“ (der vorzeitigen Verteidigung von vermeintlichen schwachen Punkten) ist wiederum eine rein jüdische, den Geist des Kampfes vorbeugende Idee. Also Angst vor dem Kampfe, Zweifel in seine Geisterkraft - wahrlich ein trauriges Bild intellektueller Selbsterniedrigung! Mit diesem kläglichen literarischen Schachnachlass ist Niemzowitsch ins Grab gegangen, wenige Nachfolger und noch weniger Freunde (ausser einigen Rassegenossen) hinterlassend.

Fortsetzung folgt.

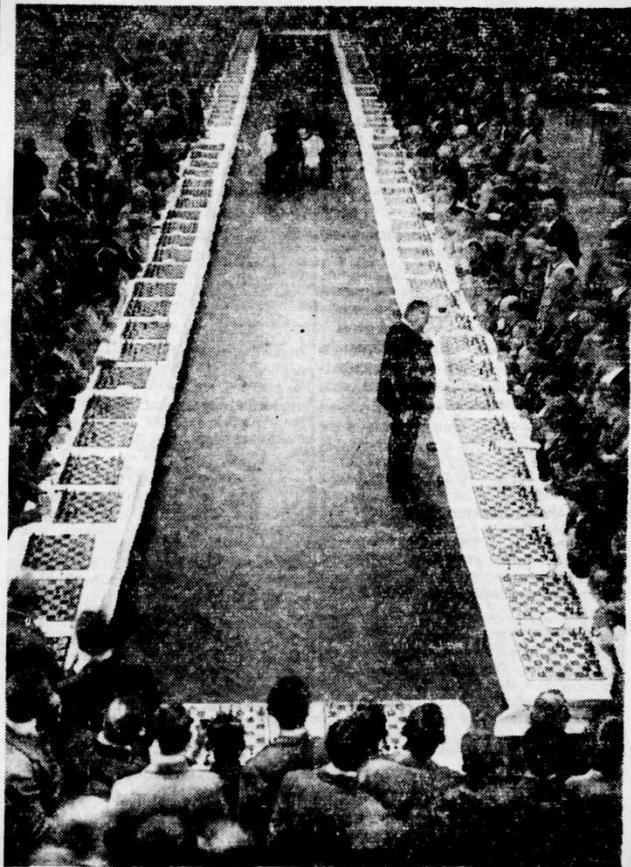
Aus der deutschen

Ein Grenzlandschicksal

Metz, 18. März.
Im Krankenhaus in Saarbrücken starb dieser Tage ein 94jähriger Handwerker, der in seinem langen Leben dreimal deutscher und zweimal französischer Staatsangehöriger war. Sein Schicksal darf man als kennzeichnend für das des lothringischen Grenzlandes bezeichnen. Er wurde in Lonsheim im Rheinland geboren und wanderte in noch jungen Jahren in das nahe der ehemaligen Grenze gelegene Dorf Waldwiesen, das damals französisch war. Dort heiratete er. Mit der Rückkehr Lothringens ins Reich im Jahr 1871 wurde auch er wieder Reichsbürger. Nach dem Weltkrieg musste er abermals die Nationalität wechseln, bis er dann im vergangenen Jahr endgültig wieder Deutscher wurde. Als im September 1939 kurz nach Kriegsausbruch die Grenzgegend um Waldwiesen geräumt wurde, wurde er zusammen mit den übrigen Bewohnern des Dorfes nach dem 700 Kilometer entfernten Departement Vienne gebracht. Dabei hatte er sich erhebliche gesundheitliche Schäden zugezogen.

Im Dienst der Volksgesundheit

Leipzig, 18. März.
Eine der bekanntesten Leipziger Persönlichkeiten, Dr. med. Paul Buchheim, Generaloberarzt im Weltkrieg und DRK-Oberstführer, konnte seinen 80. Geburtstag feiern. Trotz seines hohen Alters hat sich der Jubilar wiederum dem Deutschen Roten Kreuz und damit dem Dienste der Volksgesundheit zu Verfügung gestellt. Dr. Buchheim ein geborener Leipziger, steht auch heute noch aktiv in den Reihen des Deutschen Roten Kreuzes und hat die Aufsicht über die Ausbil-

Источники

Archives nationales, Pierrefitte-sur-Seine. Cote BB/11/8522.

Chess. April 1946.

El Alcázar № 03. 09. 1941.

Informaciones № 03. 09. 1941.

N.-Y. Times, № 10. 08. 1921.

Pariser Zeitung. № 61–68, 1941.

Алехин А. Мои лучшие партии. М. – Л. 1927.

Котов А. Александр Алехин. М., 1973.

Котов А. Белые и черные. М., 1965.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М., 1970.

Шабуров Ю. Александр Алехин – непобежденный чемпион. М., 1992. с.

<http://www.chesshistory.com/winter/extra/alekhine.html>

<http://www.chesshistory.com/winter/extra/alekhine5.html>